

Содержание

<i>Ганс Дельбрюк. Макиавелли и его время</i>	3
Государь	15
Рассуждения о первой декаде	
Тита Ливия	123
Книга первая	127
Книга вторая	261
Книга третья	357
О военном искусстве	483
Книга первая	489
Книга вторая	519
Книга третья	555
Книга четвертая	579
Книга пятая	595
Книга шестая	615
Книга седьмая	641
<i>Краткая хронология</i>	665
<i>Указатель</i>	667

Ганс Дельбрюк

МАКИАВЕЛЛИ И ЕГО ВРЕМЯ*

Классическим военным писателем нового времени стал Никколо Макиавелли.

Макиавелли находился под глубоким впечатлением того обстоятельства, что во времена его молодости (он родился в 1469 году) конница была почти всецело господствующим родом войск, теперь же участь сражения начала решать пехота. Он связал это со своими изысканиями в области классической древности, убедившими его в том, что римляне некогда покорили весь мир только благодаря своим легионам, и поставил себе задачей показать всему свету, и прежде всего своим соотечественникам, что хорошая пехота из граждан представляет собой идеал военной организации и что она призвана избавить Италию, а главное Флоренцию, от тех ужасных наемных банд, при помощи которых в его время вели войны. Его патриотизм, его склонный к логическим построениям ум, его литературные изыскания и ясное понимание реальных явлений окружающего мира оказывали на него одновременное воздействие и побуждали идти вперед: с одной стороны, к созданию теоретической продуманной системы, с другой — к организации флорентийской государственной милиции, в которой он думал возродить идеи древних римлян.

Пост канцлера, который Макиавелли занимал во Флорентийской республике, был не руководящим, а скорее, пользуясь современной терминологией, высокой, но зависимой должностью. Находясь в подчиненном положении, Макиавелли силой своего красноречия и личного влияния до-

* Рассматривается одна из граней деятельности Н. Макиавелли, посвященная военному делу.

бился того, что в 1506 году республика организовала у себя ландвер — ополчение, которое в конце концов было доведено приблизительно до 20 000 человек.

Страна была разделена на округа; правительственные комиссары объезжали их, намечали людей, которые им казались подходящими, и вели их списки. Каждый округ выставлял одну роту, начальником которой назначали опытного в военном деле капитана. Ополченцам выдавали оружие — пик и нагрудный панцирь, а также форменную одежду — белый кафтан и брюки с одной белой и одной красной штаниной. Каждая рота имела свое знамя из материи соответствующего цвета, причем все знамена были украшены изображением флорентийского льва. При каждом капитане состояли: канцлер — для несения административных и хозяйственных обязанностей, ведения списков и прочих канцелярских работ, прапорщик, известное число капралов и один или несколько барабанщиков.

Время от времени капитан собирал по отдельным поселкам своих людей, производил им смотр — один или при участии правительственного комиссара из столицы — и обучал их военным движениям «по образцу швейцарцев». Иногда в самой Флоренции устраивались большие парады.

В мирное время ополченцы пользовались правом носить оружие и известными юридическими привилегиями; во время войны они получали (или должны были получать) такое же жалованье, как наемные солдаты, т.е. 3 дуката в месяц. Капитаны получали регулярно жалованье 12 дукатов в месяц или, взамен части его, выдачи натурой, даровую квартиру и фураж на одну лошадь.

Роты постепенно были доведены до значительной численности — 800 человек, следовательно, они стали слишком многочисленными для командования одним офицером, но расчет был построен на том, что в критическую минуту в поход выступит не более трети; в действительности их оказалось еще меньше — около 150 человек на роту.

На каждую роту приходилось слишком много — до 70 % — вооруженных длинными пиками и до 10 % стрелков, остальные были вооружены легкими алебардами (ronsa), ро-

гатиными и другим холодным оружием. Строились большими квадратными колоннами, приучались маршировать под барабанный бой до некоторой степени в ногу, сохранять свое место в строю, делать повороты направо и налево; эти движения, как и обращение с оружием, так просты, что их нетрудно было усвоить за немногие дни праздничных учений. Более основательными строевые учения не были ни у швейцарцев, ни у ландскнехтов. Единственное оружие, требовавшее известного умения и навыка, — огнестрельное, носили те, кто самостоятельно упражнялся в пользовании им и сам являлся его владельцем; при этом по выбору самого ополченца он мог носить арбалет или аркебузу.

До сих пор можно сказать, что организация флорентийской милиции отвечала всем разумным требованиям, какие к ней можно было бы предъявить. Однако далее идут еще и другие постановления. Уже в первой памятной записке, в которой Макиавелли рекомендует флорентийцам устройство милиции, он ставит вопрос, не представляет ли создание такой вооруженной силы угрозу для самой республики. Конституция последней базировалась прежде всего на господстве города над сельскими местностями, которые представляли довольно обширную область с многими крестьянскими поселками и небольшими городами. Лишь небольшая часть этой области — так называемый «контадо» — считалась безусловно надежной, большая же часть — *distritto* — была постепенно завоевана силой и в любую минуту могла отказать в повиновении городу. В городе господствовал весьма искусственно организованный средний класс с аристократической прослойкой. Хотя во главе республики стоял пожизненно избранный гонфалоньер Содерини, его полномочия были ничтожны. Правительственная власть, в собственном смысле, была в руках нескольких коллегий: коллегии «восемьдесят», «десяти», «девяти» и «восьми», состав которых постоянно, по истечении нескольких месяцев, обновлялся; функции же их нередко перекрещивались между собой. Над всеми ними стояло собрание граждан, участвовать в котором могли те граждане, отец, дед или прадед которых когда-либо входили в

состав одной из этих коллегий или могли быть в них избраны.

Коренное отличие этой конституции от государственного устройства Древнего Рима бросается в глаза. В Риме крестьянин пользовался теми же правами, что и горожанин, и между городом и деревней не было противоречий. Магистратура там была полновластна. Аристократические роды обладали унаследованным, подкрепленным религией авторитетом; влияние их уравнивало влияние демократической массы. Вот эта-то масса и составляла войско.

Флорентийский правительственный механизм, и без того неспянный и рыхлый, находился еще под постоянной угрозой притязаний изгнанного семейства Медичи. Поэтому все здесь было построено на взаимном недоверии и постоянном наблюдении друг за другом. Одной из коллегий — коллегии «девяти» — была подчинена милиция в мирное время; но едва лишь дело доходило до войны, как командование переходило к другой — коллегии «десяти». Это и представляло, по мнению Макиавелли, то преимущество, что солдаты милиции не знали, кто, собственно, их хозяин. Но каким же образом правительство, само столь текучее, могло создать устойчивую военную организацию? Все, что было сделано, опиралось фактически на личность Макиавелли, который, будучи секретарем по назначению в различных коллегиях, создавал и представлял собой то персональное единство, благодаря которому различные инстанции действовали в одном направлении.

Но и он не мог поступать иначе, как искать средние пути между желанием республики иметь собственное войско и страхом республики быть ликвидированной этим же самым собственным ее войском.

Первое условие, необходимое для создания пригодной для дела милиции, — это возможно более тесная, органическая связь между капитаном и его ротой.

Люди должны доверять своему командиру, командир же должен знать своих людей. Но чего только не могут натворить капитаны, приучившие свою роту к беспрекословному повиновению! Во избежание этих опасностей было

предписано ежегодно перемещать капитанов из одного округа в другой, дабы «их авторитет не мог укорениться».

Капитан вообще не должен был иметь действительной власти над своей ротой. Ополченец, не пожелавший выйти на учение, не нуждался ни в каком разрешении: ему достаточно было представить только какое-либо оправдание. Капитан не имел непосредственной карательной власти, он мог лишь при открытом бунте временно арестовать виновного; карательная же власть была в руках комиссара и коллегии во Флоренции.

Тогда как капитан был чужой человек, назначенный в данный округ центральной властью, прапорщик и капралы были уважаемые местные жители. Но мы не видим, чтобы им были поручены какие-либо военные функции, так что самое руководство службой было всецело возложено на капитана.

У капитанов не было надлежащих органов для осуществления возложенной на них задачи; точно так же и у милиции в целом не доставало единого высшего командования. Сами капитаны прожужжали уши Макиавелли, требуя от него, чтобы он провел назначение полковника. За неделю до окончательного крушения ему действительно удалось провести это назначение: 25 августа 1512 года Якопо Савелли, заслуженный кондотьер конницы Флорентийской республики, был назначен верховным командующим, но он уже не мог спасти положение. Если бы он действительно смог это сделать, если бы он действительно успел дисциплинировать 20 000 ополченцев, то ему нетрудно было бы повести свои роты против принадлежавших тиранам города мешков с золотом и своим солдатским сапогом растоптать бумажную «народную» конституцию, при условии, если его еще раньше не успеют отправить на тот свет.

После того как была организована пешая милиция внутренней численности, Макиавелли в конце 1510 года провел создание и конной милиции.

Милиция Макиавелли просуществовала около 7 лет. Ее использовали для того, чтобы снова подчинить Пизу Флоренции: для этого был прерван подвоз продовольствия к городу и дважды в год уничтожался урожай на при-

надлежавшей городу территории, вплоть до самых городских стен. Эта система голодной блокады заставила наконец Пизу сдаться. Истинному же испытанию милиции пришлось подвергнуться впервые в 1512 года, когда образовалась большая лига для того, чтобы снова водворить семью Медичи во Флоренцию. Во главе этой лиги стояли испанцы. Это была та самая испанская пехота, которую разбили под Равенной; однако, несмотря на поражение, она своей несокрушимой сплоченностью спаслась от полного уничтожения. Когда испанцы вступили в пределы Флорентийской республики, была создана милиция. Можно было легко бросить 12 000 человек против 8 000 испанцев. Но с самого начала выступление в открытом поле против этой испытанной армии показалось невозможным риском. Поэтому милицию разместили в качестве гарнизонов во Флоренции и в городке Прато, в 2 милях к северу от столицы, которому прежде всего угрожали испанцы.

В Прато еще сохранились средневековые укрепления — высокая, тонкая стена. Попытку осаждающих взобраться на стену по лестницам обороняющиеся отразили. Испанцы располагали только двумя осадными орудиями, из которых одно к тому же разорвалось. Единственной уцелевшей пушкой они пробили брешь или, по выражению одного источника, скорее окно, чем брешь, — дыру в стене в 4 м шириной и в 2 м высотой. Осаждающие уже терпели крайние лишения из-за недостатка продовольствия. Продержись Прато еще два дня, — испанцам пришлось бы отступить, и, может быть, во время отступления их войско развалилось бы. Вот эта-то крайняя нужда и заставила их отважиться на штурм бреши. Брешь была мала и расположена настолько высоко, что к ней приходилось приставлять еще лестницы; к тому же ее можно было все время держать под огнем из-за расположенной позади нее стены. Но испанские аркебузиры подошли вплотную к городской стене и подвергли ее такому сильному обстрелу, что осажденные уже больше не решались выглядывать между зубцами стены; когда же испанцы с несколькими прапорщиками во главе пошли на приступ, тосканские ополченцы обратились в бегство, и в полчаса город был взят.

Тут началась ужасающая резня; дело не ограничилось только убийствами, изнасилованиями и грабежами. Оставшиеся в живых пленные, после того как они сами отдали все, что имели, в течение трех недель подвергались пыткам, с целью вынудить живших в других местах родственников заплатить выкуп за них. Флорентийцы жаловались испанскому главнокомандующему Кардона на неслыханно высокий выкуп, который требовали испанцы. Кардона сам признал требования чрезмерными, но заявил, что он бессилен против своих солдат. Падение Прато означало в то же время и конец Флорентийской республики. Она объявила, что готова вновь принять к себе Медичи, и в короткое время последние снова захватили в свои руки бразды правления.

Падение республики было и концом милиции.

Макиавелли изучал римское военное дело, но решающего момента римской дисциплины он не понял. Его постановлениями, лишавшими капитанов карательной власти и не допускавшими укоренения их авторитета среди ополченцев, наличие дисциплины было исключено. В высшей степени интересно, исходя из этого, установить обратное: почему Рим мог сделаться великой мастерской, где выковывалась власть, а попытка Флоренции достигнуть того же потерпела полное крушение? Город Рим не господствовал над своим крестьянством, а составлял с ним единое целое; крестьяне вместе с горожанами выбирали в комициях должностных лиц. И в Риме, как и во Флоренции, имело место несколько подозрительное отношение к магистратам; и в Риме не было единства командования войском; последнее было разделено между двумя консулами. Но над всеми, начиная с консулов и далее вниз, довлел с несокрушимой силой авторитет власти, опиравшийся на религию и на авгуров. Строевое обучение, проводимое вооруженным виноградной лозой центурионом, придавало римским ополченцам ту твердость, с которой они противостояли галлам и кимврам, и ту закалку, которой не хватало милиции Макиавелли при защите бреши в Прато.

У швейцарцев, ландскнехтов и испанцев тоже не было римской дисциплины. Но их делали неодолимыми в пылу

сражения длительная привычка держаться друг друга и, наконец, воспитанное в них рядом побед доверие друг к другу.

Макиавелли не сумел внушить своим ополченцам ни дисциплины, ни привитого войной воинского духа, и даже теоретически не понял их ценности и значения. Но не будем его в этом укорять. В его представлении о народной армии заключалось предвидение пророка. Создать такую народную армию для Флорентийской республики начала XVI в. было действительно невозможно, ибо для этого отсутствовала основная предпосылка — соответственное государственное устройство. Потребовались столетия для создания того грубого и в то же время идеального понятия дисциплины, которая формирует призванные народные массы в пригодные для войны части. Но поскольку Макиавелли хотел связать будущую пехоту с идеей римской государственности, он все же правильно ее понял.

Организация тосканской милиции, созданная Макиавелли, не была безупречна; в такой же мере не удалось ему и создание лишенной противоречий, ясной теории стратегии. И здесь о нем можно сказать, что он постиг проблему своей эпохи и что в высказанном им заключается нечто пророческое; но он оказался не в состоянии создать законченную систему мышления.

Переход от средневековья к новому времени характеризуется огромным увеличением средств ведения войны. Вместо немногих пехотинцев средневековых армий, вооруженных холодным оружием, появляются мощные боевые колонны, а техника огнестрельного оружия растет с каждой минутой.

Новая пехота, с новым огнестрельным оружием крупного и мелкого калибров, в соединении со старой тяжелой и легкой конницей допускает множество комбинаций с изменением условий местности и возможностей атаки и обороны; этих комбинаций средневековье не знало.

Новые средства войны, повысив силу наступления, открыли и перед обороной новые возможности; но, помимо этого, они заключали в себе известную слабость, которая могла внушить мнение о возможности и даже желатель-

ности одолеть неприятеля, не рискуя сражением. Огнестрельное оружие могло сделать непреодолимым какое-нибудь местное препятствие, а новые пехотные массы, именно благодаря своему массовому характеру, представляли нередко весьма преходящее орудие войны. Испокон веку численное превосходство являлось одним из важнейших факторов успеха. Однако в средние века оно не играло такой решающей роли, ибо все зависело от качества отдельного воина, а квалифицированных воинов можно было всегда получить лишь в ограниченном количестве. Между тем к швейцарцам и ландскнехтам, после того как они были организованы, можно было легко добавить большое количество случайного сброда, а теперь бой решался напором массы. Поэтому военачальники стремились заручиться массами, не только в крайних пределах своих денежных средств, но и за этими пределами. Если даже не имелось возможности заплатить наемным солдатам обусловленное жалование, то все же можно было надеяться питать войну самой войной. Солдатам указывали добычу и отдавали на разграбление целые города и области. Это отражалось крайне пагубным образом на самом ведении войны, а также на стратегии. То солдаты, не получая своего жалования, нетерпеливо требуют сражения, то, наоборот, они отказываются идти в атаку, пока им не заплатят. Но прежде всего нам приходится постоянно наблюдать, как полководец брал противника своей выдержкой, рассчитывая, что неприятельское войско само распадется, так как противник не в состоянии будет дольше ему платить. Эта мысль настолько соблазнительна, что она легко могла побудить полководца не воспользоваться даже весьма благоприятным случаем дать сражение, и вся кампания превращалась в чисто маневренную войну.

Этой стратегии противопоставляется другая, целиком направленная на то, чтобы атаковать неприятельские вооруженные силы, сокрушить их и подчинить побежденно воле победителя.

У Макиавелли мы нередко встречаем тирады, провозглашающие принцип сокрушения неприятельских сил в открытом бою высшей целью военных действий. «Центр

тяжести войны заключается в полевых сражениях; они составляют цель, ради которой создают армию». «Кто умеет искусно вступить в сражение с неприятелем, тому можно простить другие ошибки, допускаемые им в ведении войны». «Стиль стратегии римлян заключался прежде всего в том, что они вели, как говорят французы, войны кратко, но энергично». «Делать переходы, бить врага, становиться лагерем — вот три главных дела войны». «Не золото, как кричит вульгарное мнение, составляет нерв войны, а хорошие солдаты, ибо недостаточно золота для того, чтобы найти хороших солдат, а хорошие солдаты всегда найдут золото». «Когда выиграешь сражение, надо с возможной быстротой преследовать победу до конца».

Эти и подобные им изречения логика Макиавелли вывела из понятия войны, которое он расчленил. Однако военная практика его времени отнюдь не представляла этой картины. Поэтому мы встречаем у него, в противовес вышеприведенным тезисам, и такое изречение; «Хороший полководец лишь тогда дает сражение, когда его к тому принуждает необходимость или когда представляется благоприятный случай». Находим мы у него и такое рассуждение, что не следует доводить неприятельское войско до отчаяния, а надо строить для него золотые мосты. Или еще и такое замечание, что римляне после одержанной победы вели преследование не при помощи легионов, а легкими войсками и кавалерией, ибо преследующий в беспорядке легко может выпустить из рук победу. «Лучше, — говорит он в одном месте, — победить неприятеля голодом, чем железом, ибо победа гораздо больше зависит от счастья, чем от храбрости».

В творениях Макиавелли принципы стратегии сокрушения и стратегии измора изложены параллельно, но несогласованно. Логический мыслитель и эмпирический мыслитель, заключенные в нем, оба имеют слово, но они еще не столкнулись между собой. Целые столетия проблема эта продолжала оставаться в том же текучем состоянии.

Наиболее уязвим Макиавелли, когда он выступает в качестве очевидца военного дела своего времени. Казалось бы, человек, обладающий столь острой наблюдательно-

стью, — человек, который по личным склонностям и по занимаемому им положению должен был направлять свое внимание на военное дело, который неоднократно объезжал Германию, Италию и Францию и практически занимался военным делом, — казалось бы, такой человек должен давать вполне достоверные сведения. Однако на деле это не так. Сообщаемые им цифровые данные часто ошибочны, что можно доказать документально. О швейцарцах, например, он неверно сообщает, будто они за тремя шеренгами копейщиков всегда ставили одну шеренгу алебардистов. Хотя Макиавелли и наблюдатель, но прежде всего он теоретик и доктринер. Все, что он слышит и видит, он тотчас же вгоняет в рамки своей теории, а если это ему не удастся, то факты должны уступать теории. Местами он проявляет поразительное отсутствие критического отношения — например, когда он простосердечно повторяет слова какого-то француза, будто во Франции имеется 1 000 700 церковных округов и каждый округ поставляет на службу королю одного вооруженного вольного стрелка. Но это лишь единичные промахи; гораздо хуже обстоит дело с теми искажениями, которые происходят от его отращения к наемничеству и от его странного, надуманного подразделения народов на вооруженных и невооруженных.